

Секция «Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»
Триптих Н.С. Гумилева «Душа и тело» в прочтении Н. Минского и Вл. Пяста
Глотова Анастасия Михайловна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
журналистики, Москва, Россия
E-mail: glotova041192@mail.ru

На публикацию книги Николая Гумилева «Огненный столп» (1921) вышло десять критических откликов современников, каждый из которых по-своему оценил последний сборник поэта: Э. Голлербах, С. Бобров, Г. Иванов, Л. Лунц, Г. Горбачев рассматривали сборник в контексте всего творчества поэта, М. Зенкевич, В. Итин и Г. Крыжицкий - как лирическое целое, Н. Минский и Вл. Пяст подробнее разбирают несколько стихотворений, в частности триптих «Душа и тело».

В своем критическом отклике Николай Минский (журнал «Новая Русская книга» (№1, 1922) начинает с воспоминания о Гумилеве, замечая, что последний боялся мистики и «устремления к другим мирам», поэтому сторонился ее в своей лирике. Однако, несмотря на это, «Память» прочитывается критиком в мистическом контексте. Минский подробнее останавливается на этом стихотворении, потому что именно оно раскрывает «автопсихографию» Гумилева. Он привлекает еще несколько поэтических текстов, «Мои читатели» и «Душа и тело», для разговора об этапах эволюции зрелого Гумилева. У Минского наиболее полно получается осмыслить именно «четвертую метаморфозу» души Гумилева. Это происходит за счет анализа триптиха «Душа и тело». С одной стороны, лирический герой Гумилева - «угрумый и упрямый зодчий». Другой критик, Эрих Голлербах, тоже обратив внимание на эту строку, противопоставлял лирику Блока-творца лирике Гумилева-ремесленника. Однако для Минского становится важна художественная деталь, что лирический герой поэта строитель Нового Иерусалима, из-за чего уже усложняется простая трактовка Голлербаха: «Зная Гумилева, можно быть уверенным, что слова о долгожданном бое и новом Иерусалиме не пустая декламация, но как понять, какое под ними скрывается волевое содержание <...> Не назад, а вглубь устремлена его мысль...»[2]. В «Огненном столпе» Гумилев переосмысляет традиционную дихотомию души и тела (первая попытка - стихотворение «Разговор» в акмеистическом «Колчане»): он меняет настроение духа, возможно, опираясь на гностический миф о падении Души (в «Разговоре» перед нами гордая и неутомная душа, здесь мы видим несчастную и изможденную), и вводит свое «я», сознание, стоящее над телом и душой, вечное и всеобъемлющее сознание, которое подчиняется только Богу («Ужели вам допрашивать меня, // Меня, кому единое мгновенье - // Весь срок от первого земного дня // До огненного светопреставленья? // Меня, кто, словно древо Игдрасиль, // Пророс главою семью семь вселенных // И для очей которого как пыль // Поля земные и поля блаженных // Я тот, кто спит, и кроет глубина // Его невыразимое прозванье, // А вы - вы только слабый ответ сна, // Бегущего на дне его сознанья»)[1]. Библейский мотив и образ древа Игдрасиль из скандинавского эпоса расширяет значение внутреннего «я» лирического героя.

Владимир Пяст (альманах «Цех поэтов», кн. 3, 1922) тоже подробно останавливается на стихотворении «Душа тело». Как и Минский, он видит всю сложность новой трактовки: страдания души, переданные через мотив заточения в материальном мире, флегматичность тела, наслаждающегося радостями бренной жизни и осознающего свою обреченность, и внутреннее «я», по мнению Пяста, непокорное и сильное, способное держать ответ перед Творцом: «Философски это не синтез, - нет, нечто большее: завершение, но выраженное через углубление идеи»[3].

Николай Минский и Владимир Пяст внимательны к художественным образам в стихотворениях: оба критика принадлежали к символизму, были знакомы с Гумилевым и осознавали связь поэта с символизмом. Это скорее уберегало их от упрощенных трактовок (такой пример видим в рецензии Э. Голлербаха) и ошибок в прочтении, как было у С. Боброва, который, обвинив Гумилева в путанице, запутался в понятиях сам. Отметим, что обе интерпретации несомненно схожи: Минский и Пяст говорят об «углублении идеи», о связи несчастья духа с философией Вл. Соловьева (миф о падении Софии) и выстраивают схожую модель внутренней организации лирического «я» Н. Гумилева.

Источники и литература

- 1) Гумилев Н. Собрание сочинений. – СПб., 2014.
- 2) Минский Н. М. Кузмин. «Эхо». Стихи. Пб., 1921. Н. Гумилев. «Огненный столп» // Новая русская книга. 1922. №1. С. 16.
- 3) Пяст В. «Огненный столп» Н. Гумилева // Цех поэтов. Кн. 3. Пг., 1922. С. 72.